

ВОЙНА США ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. Н. Болховитинов

Приступая к изучению войны английских колоний в Северной Америке за независимость в XVIII в., исследователь сталкивается с огромным разнообразием и противоречивостью исторических концепций и точек зрения отдельных авторов, необычайным обилием и колоссальным объемом документальных и литературных источников. Особое значение в этой связи приобретают проблемы методологии, обращение к теоретическим трудам основоположников марксизма-ленинизма и, в частности, к ленинским оценкам характера и значения войны за независимость. «Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны...» — писал В. И. Ленин в работе «О брошюре Юниуса» (1916 г.) и ссылаясь далее на пример национально-освободительной войны Северо-Американских Штатов против Англии¹. И хотя в этой войне на стороне США выступали также монархические и колониальные державы Франция и Испания, определяющим фактором, несомненно, была справедливая освободительная борьба американских колонистов за свою независимость. «Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом,— обратное тому, что мы видим в войне 1914—1916 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием)»².

В другом месте, в знаменитом «Письме к американским рабочим» (20 августа 1918 г.), В. И. Ленин писал о борьбе восставших колоний против Англии в XVIII в. как об «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»³. Следует обратить особое внимание на то, что В. И. Ленин также называл войну США за независимость войной «американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку», «великой освободительной войной», подчеркивая, что американский народ «революционно» боролся «против угнетения, в интересах массы угнетенных»⁴. Наконец, год спустя, 19 мая 1919 г., в речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства В. И. Ленин вновь характеризовал борьбу «американского революционного народа» в XVIII в. против Англии как «одну из первых и наиболее великих в истории человечества действи-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 7.

² Там же.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 48, 56.

тельно освободительных и одну из немногих в истории человечества действительно революционных войн»⁵.

Общий смысл, общее направление ленинских оценок войны США за независимость не оставляют сомнений в том, что В. И. Ленин считал эту войну справедливой, национально-освободительной и, что особенно важно, революционной. Не случайно поэтому так естественно и органично выглядит у В. И. Ленина применение высокого термина «революция» как синонима освободительной войны восставших колонистов против угнетателей-англичан⁶. Настолько естественно, что до сих пор исследователи не уделили этому вопросу должного внимания, а между тем именно в этом, пожалуй, главное. В. И. Ленин рассматривал борьбу восставших американцев против Англии не только как национально-освободительную войну, но и как революцию. Не случайно поэтому вслед за словами о действительно освободительном характере войны США против Великобритании В. И. Ленин вновь подчеркивает ее действительно революционный характер.

Ленинские оценки приобретают особое значение в связи с той идейной борьбой, которая происходит в современной американской историографии. Дело в том, что на протяжении последних двадцати лет в американской буржуазной историографии наиболее распространенной, если не преобладающей, стала точка зрения, по существу, отрицающая революционный характер войны за независимость. По мнению одного из лидеров «новых консерваторов»⁷, профессора Даниэля Бурстина, «наиболее очевидная особенность» американской революции состоит как раз в том, что в современном европейском смысле слова она едва ли вообще была революцией»⁸. Эта революция, отмечает далее автор, лишь подтвердила английские конституционные нормы (суд присяжных, свободу слова и т. д.) и не означала каких-либо коренных перемен. Сама «вдохновляющая цель» войны США за независимость была, как указывает К. Н. Деглер, «глубоко консервативной». Колонисты восстали против метрополии, «чтобы сохранить вещи такими, какими они были, а не для того, чтобы открыть новую эру»⁹.

Известные и влиятельные лидеры нового течения, в числе которых в первую очередь должны быть названы Роберт Браун, Даниэль Бурстин, Клинтон Росситер и Луис Харц, в целом склонны рассматривать американскую революцию как консервативное движение, предпринятое для защиты свободы и собственности и нашедшее свое логическое завершение в конституции 1787 года. Война за независимость, приходит к выводу Р. Браун, была предпринята для того, чтобы сохранить существующий порядок, а не изменить его¹⁰. Р. Браун полагает, что никакой революции в Массачусетсе не было и не могло быть, так как нечего было менять. В Массачусетсе-де уже существовала демократия. Большинство взрослого мужского населения этой колонии еще

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 344.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 56.

⁷ В отношении термина «новые консерваторы» в литературе еще нет полного согласия. Так, например, Д. П. Грин считает более правильным название «новые виги» (neo-whigs). См. J. P. Greene. Flight from Determinism. «The South Atlantic Quarterly» (далее — «SAQ»), 1962, № 2, pp. 258—259. У. Х. Нелсон пишет о «новой националистической интерпретации». См. W. H. Nelson. The Revolutionary Character of the American Revolution. «The American Historical Review» (далее — «AHR»), 1965, № 4, p. 1000. Как нам представляется, термин «новые консерваторы», получивший наибольшее распространение в литературе, более правилен, так как он точнее отражает общую тенденцию пересмотра американской истории в консервативном направлении.

⁸ См. D. J. Boorstin. The Genius of American Politics. Chicago. 1953, pp. 66—98. Дальнейшее развитие взгляды Д. Бурстина получили в его трудах: «The Americans: The Colonial Experience». N. Y. 1958; «The Americans: The National Experience». N. Y. 1965.

⁹ C. N. Degler. The American Past. «American Scholar». 1963, № 2, pp. 192—209.

¹⁰ R. E. Brown. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780. Ithaca. 1955, p. 401.

задолго до революции имело право голоса. Изображая колониальное общество Массачусетса как «демократию среднего класса», Р. Браун доводит свою точку зрения до явного абсурда, когда распространяет эту характеристику чуть ли не на всю территорию колоний от Новой Шотландии до Западной Флориды, якобы населенную по преимуществу и даже почти исключительно независимыми фермерами. «Подобный взгляд,— пишет Герберт Аптекер,— примечателен не только тем, что он игнорирует такие основные области деловой активности колониального периода, как торговля, рыболовство, пушной промысел и спекуляции землями; еще более он примечателен игнорированием всего индейского населения, а также значительной прослойки — 35 процентов — неиндейского населения, состоявшей из рабов (chattel slaves) и кабальных слуг (indentured servants). И те и другие наверняка изумились бы, узнав, что они были «свободны от оков и узды» и «работали на самих себя». А игнорирование несвободных элементов населения, конечно, означает в то же время игнорирование тех классов, которым они принадлежали и которые наживались на их труде»¹¹.

В свое время глава «имперской школы»¹² проф. Чарльз Эндрюс рассматривал войну за независимость как детонацию «взрывчатого материала», накапливавшегося уже долгие годы, как результат действия комплекса причин — экономических, политических, социальных и юридических, которые в целом были «господами, а не слугами государственных деятелей и политических агитаторов». «Подвижной, динамический организм», каким были американские колонии Англии, по мнению Эндрюса, не мог долго оставаться связанным со «статической» метрополией¹³.

Решительно выступая против марксизма, маститый исследователь на последних страницах своего четырехтомного труда по колониальному периоду заявлял, что рассматривать события прошлого «только как борьбу классов» и «столкновение экономических интересов» — это значит чрезмерно упрощать историю¹⁴. Следует заметить, что марксисты не отрицают значения «духовных сил» и не сводят историю лишь к действию экономических факторов. Ч. Эндрюс ссылается на работы Л. Хэкера и Ч. Бирда, но оба эти автора никогда не были марксистами, и их взгляды только по недоразумению могут быть отнесены к марксизму.

Действительными упрощателями оказались не марксисты и даже не «экономические детерминисты» типа Луиса Хэкера¹⁵, а современные консерваторы, которые свели войну за независимость к «консервативному движению, защите американских прав и свобод против провокаций метрополии». В своем «бегстве от детерминизма» они пренебрегли не только выводами Ч. Бирда, Л. Хэкера и других, но и результатами исследований «имперской» школы Ч. Эндрюса, Д. Бира и Л. Гипсона. По мнению «новых консерваторов», колонисты были довольны своим положением вплоть до того момента (1760 г.), когда Англия бросила вызов их собственности и правам. «Таким образом, революция — пишет Д. Грин,— не была необходимым и неизбежным логическим результатом длительных сил, действовавших со времени основания ко-

¹¹ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 25—26.

¹² В настоящей статье мы не касаемся развития основных направлений в изучении войны США за независимость в XIX — первой половине XX в. Подробно об этом см. E. S. Morgan. The American Revolution: A Review of Changing Interpretations. Washington. 1958; ejusd. (ed.). The American Revolution: Two Centuries of Interpretation. Englewood Cliffs. 1965.

¹³ Ch. M. Andrews. The American Revolution: An Interpretation. «AHR». 1926, № 2, pp. 221, 231.

¹⁴ Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History. Vol. IV. New Haven. 1938, p. 427.

¹⁵ См., в частности L. M. Hacker. The American Revolution. Economic Aspects. «Marxist Quarterly», 1937, vol. 1, pp. 46—67.

лоний, а консервативным и оборонительным движением против недавних провокаций метрополии»¹⁶.

Современные авторы, по мнению Ричарда Б. Морриса, изображают американскую революцию как преимущественно политическое и консервативное по своим целям течение, осуществленное народом, который еще ранее достиг «эгалитарного общества». «Луис Харц, Клинтон Росситер и Даниэль Бурстин склонны вообще отрицать существование какой-либо американской революции. Поскольку американцам не пришлось бороться за свободу, так как они уже родились свободными, и поскольку им не нужно было освобождаться от феодального строя, так как, приехав в Америку, они избежали феодализма, в их войне за независимость... преобладали тенденции к традиционализму и конституционализму, что отличает ее от классовых битв, которые раздирали Старый мир»¹⁷. Как это ни удивительно, новейшая концепция современных консерваторов во многом напоминает старую точку зрения Д. Бэнкрофта, рассматривавшего всю историю Америки в первую очередь как историю распространения свободы и утверждавшего, что американский народ издавна пользовался значительным кругом политических прав, законодательные собрания колоний ежегодно переизбирались, население состояло главным образом из свободных фермеров, владевших собственным участком земли, оружием и умевших в случае необходимости постоять за себя. В целом в колониальной Америке, по мнению Д. Бэнкрофта, «имелось гораздо больше личной независимости и гораздо больше народной власти, чем в Англии»¹⁸.

В последнее время в США стало модно писать о «согласованности интересов» и «преемственности» как главных особенностях исторического развития Америки¹⁹. Именно эти слова вынес в заглавие своей работы Б. Ф. Райт, отмечавший, что характерной чертой американской революции являлась «преемственность» между старым и новым, а также удивительная «согласованность политических и конституционных принципов». Б. Ф. Райт утверждал, в частности, что конституции штатов создавались на традиционном материале и свидетельствовали о приверженности их создателей как к «порядку и стабильности, так и к свободе»²⁰.

Вслед за А. Токвилем, ставшим в последние десятилетия в США необычайно популярным, лидеры «новых консерваторов» последовательно преуменьшают значение «классовых и секционных различий» и утверждают, что в Америке никогда не было «классовой борьбы» в европейском смысле этого слова²¹. По замечанию одного из современных авторов, американская революция оказалась всего-навсего спокойным переходом власти от одной группы должностных лиц к другой. При этом сама власть лишь слегка видоизменилась, получив название правления представителей народа²². В «согласованности интересов» и «преемственности» видит характерное отличие войны США за независимость

¹⁶ J. P. Greene. Op. cit., pp. 237, 257.

¹⁷ R. B. Morris. The American Revolution Reconsidered. N. Y. 1968, pp. VII, 44.

¹⁸ G. Bancroft. History of the United States of America from the Discovery of the Continent. Vol. III. Boston. 1876, p. 13.

¹⁹ J. R. Hollingsworth. Consensus and Continuity in Recent American Historical Writing. «SAQ», vol. LXI, № 2, 1962, p. 40; J. Higham. Beyond Consensus: The Historian as Moral Critic. «AHR», vol. LXVII, № 3, April 1962, pp. 609—625.

²⁰ B. F. Wright. Consensus and Continuity, 1776—1787. Boston. 1958; См. также J. P. Greene. The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature. Washington. 1967, p. 57.

²¹ «Interpretations of American History: Patterns and Perspectives». Ed. by G. N. Grob and G. A. Billias. Vol. I. N. Y. 1967, p. 14; J. Higham and oth. History. Englewood Cliffs. 1965, p. 221 ff.

²² R. Buel Jr. Democracy and the American Revolution. «William and Mary Quarterly» (далее — «WMQ»), April 1964, № 2, p. 180.

от Великой французской революции и профессор Р. Моррис. Конечно, обе революции заметно отличались друг от друга, и Р. Моррис привел этому множество убедительных доказательств²³. Если во Франции, по выражению Шатобриана, «патриции начали революцию, а плебеи ее закончили», то в Америке «элита», начавшая революцию, сохранила власть до конца. В результате американская революция пошла по вигско-жирондистскому, а не якобинскому пути. Вашингтон не был Робеспьером, и американская революция так и не достигла по глубине и размаху классовой борьбы уровня французской. Якобинская Франция в 1793—1794 гг. управлялась не «по-конституционному», как США, а вообще без всякой конституции (конституция 1791 г. была отвергнута, а новая конституция 1793 г. так и не была введена в действие). Однако, как нам представляется, нельзя упускать из виду главное. И Франция и Америка в XVIII в. пережили революции. Различаясь по своей глубине, конкретным целям, по методам и формам борьбы и т. д., в главном они были сходными явлениями, прежде всего потому, что это были революции, и революции буржуазные.

Первым американским историком, который поставил вопрос о войне за независимость как о революции в двояком смысле, то есть не только как о борьбе за освобождение от власти метрополии, но и как о социальной революции, борьбе за власть внутри самих колоний, в историографии США считается Карл Беккер. Американская революция, по образному выражению К. Беккера, призвана была решить не только вопрос о гомеруле (home rule), но и о том, кто будет этой страной управлять (who should rule at home)²⁴. Формула Беккера основывалась на изучении политической борьбы до провозглашения независимости только в одной из колоний (Нью-Йорк), где недовольство трудящихся масс политикой метрополии сочеталось с борьбой против местной администрации, крупных землевладельцев и консерваторов. В дальнейшем исследователи обнаружили противоречия и конфликты в ряде других провинций, а также внутри социальных слоев, входивших в лагерь восставших. Так, например, А. М. Шлезингер-старший проследил борьбу между консервативно настроенными купцами и радикалами, пользовавшимися поддержкой колонизальных «низов»²⁵. На основе анализа состава Филадельфийского конвента, принявшего конституцию 1787 г., Ч. Бирд пришел к выводу, что за небольшим исключением делегаты были «непосредственно прямо и лично заинтересованы в учреждении новой системы и получили в результате экономическую выгоду». С другой стороны, «неимущие массы с самого начала были... отстранены от участия в работе по подготовке конституции»²⁶.

В наиболее полном виде концепция войны за независимость «как

²³ R. E. Morris. Op. cit., pp. 43—91.

²⁴ C. L. Becker. The History of Political Parties in the Province of New York. 1760—1776. Madison. 1909, p. 22.

²⁵ A. M. Schlesinger. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776. N. Y. 1918; ejusd. The American Revolution Reconsidered. «Political Science Quarterly», 1919, № 1, pp. 63—75. Следует заметить, что в своей последней работе, изданной в 1968 г., уже посмертно, А. М. Шлезингер под влиянием «новых консерваторов» существенно (хотя и не полностью) пересмотрел свои прежние взгляды, чем заслужил похвалу Р. Брауна на страницах ведущего исторического журнала США. См. A. M. Schlesinger. The Birth of a Nation. N. Y. 1968, «АНР», 1969, vol. LXXIV, № 4, pp. 1357—1359.

²⁶ Ch. A. Beard. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1913, p. 324. Среди делегатов конвента насчитывалось 15 плантаторов, 24 ростовщика и банкира, 14 землевладельцев и спекулянтов землей, 12 предпринимателей (промышленников, купцов и судовладельцев) и полностью отсутствовали трудящиеся массы — фермеры, ремесленники и рабочие (не говоря уже о неграх и индейцах). Ibid, pp. 149—151. Подробный марксистский анализ работ Ч. Бирда и его школы см. И. П. Дементьев. Об исторических взглядах Чарльза Бирда. «Вопросы истории», 1957, № 6.

социального движения» была развита Д. Франклином Джеймсоном в четырех лекциях, прочитанных в ноябре 1925 г. в Принстонском университете и опубликованных затем в виде небольшой книги. Д. Ф. Джеймсон призвал своих слушателей рассматривать американскую революцию с более широких позиций и не считать ее только политическим или военным событием. Сила революционной партии, отмечал автор, «лежала главным образом в простом народе», и в результате этого «социальные изменения» в ходе революции происходили в направлении расширения демократии²⁷.

Со времени издания лекций Джеймсона прошло уже более 40 лет, но споры вокруг поднятых им вопросов не утихают. Некоторые детали концепции Джеймсона оказались не совсем точными. Не все аристократы в колониях были непременно роялистами или тори, и не все они покинули в ходе революции Соединенные Штаты. С другой стороны, представители трудящихся не всегда были непременно революционерами и демократами. В Северной Каролине, например, многие роялисты оказались как раз представителями «простого народа». Конфискованные в ходе революции земли сторонников английского короля далеко не всегда попадали в руки бедных фермеров, а чаще всего покупались «богатыми патриотами» и т. д. В главном, однако, как считает Фредерик Б. Толлес, «тезис Джеймсона» до сих пор остается вполне правомерным²⁸.

В настоящее время наиболее видным продолжателем традиций Беккера, Бирда и Джеймсона считается профессор Висконсинского университета Меррилл Дженсен, который подчеркивает, что война за независимость по преимуществу была «демократическим движением» и что ее значение состоит в повышении экономического и политического статуса большинства населения тринадцати колоний. «Статьи конфедерации,— указывает Дженсен,—являлись конституционным выражением этого движения и воплощением в государственной форме философии декларации независимости»²⁹. Нельзя не отметить, что несомненной заслугой М. Дженсена является аргументированная критика концепции лидера «новых консерваторов» Р. Брауна о существовании в колониях и в первую очередь в Массачусетсе «идиллической демократии, объединенной в борьбе против британской тирании». Как доказывает Дженсен, американские провинции, включая Массачусетс, управлялись сравнительно немногочисленными группами «колониальной аристократии». В большинстве колоний верхние палаты законодательных собраний, верховные суды и т. д. заполнялись по назначению английского короля. «Короче говоря,—делает вывод М. Дженсен,—политическая структура колоний в действительности была недемократической, несмотря на выборность нижних палат и самоуправление»³⁰. Так, в Массачусетсе в 1760 г. правительство контролировалось политической машиной, возглавлявшейся Томасом Хитчинсоном, который вместе со своими родственниками и друзьями контролировал почти все важные посты в колонии, за исключением должности губернатора. Политические лидеры Бостона использовали все средства для того, чтобы захватить контроль над правительством колонии, но только после кризиса в связи с законом о гербовом сборе они завоевали большинство в палате представителей. На

²⁷ J. F. J a m e s o n. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton. 1926, p. 18.

²⁸ F. B. T o l l e s. The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation. «AHR», 1954, vol. LX, № 1, p. 12; J. F. J a m e s o n. Op. cit. With a new introduction by F. B. Tolles. Princeton. 1967, pp. XIII—XIV.

²⁹ M. J e n s e n. The Articles of Confederation. Madison. 1948, pp. 15, 239.

³⁰ Ibid. Chapter III «Internal Revolution»; e j u s d. Democracy and the American Revolution. «Huntington Library Quarterly» (далее — «HLQ»), 1957, vol. XX, № 4, pp. 321—341.

основании всех этих фактов М. Дженсен приходит к заключению, что «американская революция была демократическим движением не по своему происхождению, а по результатам», то есть стала демократической уже в ходе войны за независимость, что нашло конституционное выражение в статьях конфедерации³¹.

Представление о войне США за независимость как о социальной революции значительно обогащает и оплодотворяет мысль исследователей, позволяет шире взглянуть на драматические события, происходившие в 70-х и 80-х годах XVIII века, точнее и правильнее оценить их значение и роль в истории как самих Соединенных Штатов, так и всего мира. Важнейшим социально-экономическим итогом войны за независимость следует считать прежде всего радикальное решение вопроса о земле. Известно, что во время войны за независимость Соединенные Штаты были по преимуществу аграрной страной, 90% американцев жили в сельской местности, а благосостояние немногочисленных городов также было непосредственно связано с сельским хозяйством. Между тем, как это ни удивительно, американские исследователи в основном занимались изучением торговых, а не аграрных интересов. Совсем недавно на это обстоятельство справедливо обратил внимание М. Дженсен, но в ходе последующего изложения он сам, к сожалению, полностью обошел наиболее важные социально-экономические преобразования, осуществленные во время революции в американском сельском хозяйстве³². Напомним, что наиболее прогрессивной буржуазно-демократической формой переворота В. И. Ленин считал переворот, обеспечивающий развитие сельского хозяйства по американскому пути, когда основой капиталистического земледелия служит «свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развивалась там теперь частная собственность на землю»³³.

До настоящего времени, как нам представляется, исследователи далеко не в полной мере осознали важное принципиальное значение принятых в 80-е годы XVIII в. Континентальным конгрессом постановлений по вопросу о западных землях. Между тем именно в эти годы были приняты решения о национализации западных территорий страны и создании фонда государственных земель, что создало основу для развития сельского хозяйства к западу от Аллегана по американскому, фермерскому пути. Уже в резолюции Континентального конгресса от 10 октября 1780 г. отмечалось, что земли, которые будут переданы отдельными штатами, предполагается в будущем использовать для «общего блага Соединенных Штатов». На них будут образовываться «республиканские штаты, которые станут членами Федерального Союза»³⁴. На протяжении 1781—1802 гг. в пользу федерального правительства специальными актами были переданы западные земли, которые охватывали территорию к северу от реки Огайо и к востоку от Миссисипи. В целом из общей территории современных континентальных Соединенных Штатов (1 905 млн. акров) лишь 463 млн. находились первоначально во владении отдельных лиц или штатов. Остальные 1 442 млн. акров пе-

³¹ Ibid, p. 341. Общие итоги своих исследований М. Дженсен подвел в труде: «The Founding of a Nation». N. Y. 1968.

³² M. Jensen. The American Revolution and American Agriculture. «Agricultural History», 1969, vol. XLIII, № 1, pp. 107—124.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 129.

³⁴ «Journals of the Continental Congress, 1774—1789». 34. vls. Washington. 1904—1937. Vol. XVIII, p. 915.

решили во владение федерального правительства в течение 1781—1853 годов³⁵.

Никогда прежде история не знала столь смелого и радикального решения аграрного вопроса, и нигде в мире сельское хозяйство не развивалось в условиях национализации более $\frac{3}{4}$ всех земельных площадей страны. Разумеется, следует помнить, что переход экспроприированных у индейцев западных земель в распоряжение федерального правительства и создание фонда государственных земель были только первым шагом, обеспечивавшим принципиальную возможность для развития капитализма по американскому пути. Реальное распределение земельного фонда, характер аграрного законодательства во многом зависели от конкретного соотношения сил и степени политической активности трудящихся масс.

В соответствии с земельным ордонансом от 20 мая 1785 г. государственные земли распродавались крупными участками (640 акров) по цене не менее чем 1 долл. за акр³⁶. Для основной части фермеров эти условия были совершенно неприемлемыми, и в дальнейшем под давлением народных масс конгресс был вынужден неоднократно уменьшать размеры продаваемых участков, допускать продажу в рассрочку, предоставлять преимущественное право покупки действительным поселенцам и, наконец, в 1862 г. в ходе гражданской войны принять закон (гомстед-акт) о даровой раздаче государственных земель³⁷.

Как отмечал В. И. Ленин, национализация земли — это «мера буржуазного прогресса», свойственная «молодому» буржуазному обществу, еще не развившему свои силы, еще не развернувшему свои противоречия. В другом месте Ленин указывал: «Борьба за землю, борьба за свободу есть борьба за условия существования буржуазного общества, ибо господство капитала остается и в самой демократической республике и при каком угодно переходе «всей земли народу».

Тому, кто не знаком с учением Маркса, такой взгляд может показаться странным. Но убедиться в его правильности нетрудно: стоит припомнить великую французскую революцию и ее результаты, историю американских «свободных земель» и т. д.»³⁸.

Помимо основной мысли, изложенной в приводимой цитате, привлекает внимание тот факт, что В. И. Ленин сравнивает историю «свободных земель», то есть американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве с результатами Великой французской революции. И это вполне оправданно. Решительная победа буржуазно-демократической революции связана с наиболее крутой ломкой старых земельных отношений. Для американского пути развития характерна именно победа буржуазно-демократической революции. Разумеется, в результате войны США за независимость фермерский путь развития капитализма в сельском хозяйстве еще только начинал складываться (да и то только в северной части страны!) — предстояла длительная борьба за демократизацию доступа к западным землям, борьба за гомстед и отмену рабства. Однако все это не должно заслонять принципиальную важность мероприятий, осуществленных в ходе и под непосредственным влиянием американской революции в 80-е годы XVIII века.

Говоря об английской революции 1648 г. и французской революции 1789 г., К. Маркс писал: «Буржуазия победила в них; но *победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*, победу буржуаз-

³⁵ «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington, 1960, pp. 231, 236.

³⁶ «Journals of the Continental Congress». Vol. XXVIII, p. 375 ff.

³⁷ Подробнее см. Г. П. Куропятник. О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху. «Новая и новейшая история», 1958, № 4, стр. 38—56.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 299; т. 15, стр. 205.

ной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предпримчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями»³⁹. Конечно, условия, в которых происходила революция в Америке, значительно отличались от европейских, прежде всего потому, что в колониях, несмотря на все усилия английской аристократии, возродить феодализм как систему так и не удалось. Тем не менее социальные итоги американской революции во многих отношениях были аналогичными, и они вполне укладываются в марксову характеристику. Отметим в этой связи, что война против метрополии способствовала небывалому росту патриотизма восставших колонистов и пробуждению их национального самосознания. Уже вскоре после начала военных действий Джон Адамс записал в своем дневнике, что он «смертельно ненавидит слова «провинция», «колонии» и «метрополия»⁴⁰. Широкую известность завоевали крылатые слова Патрика Генри: «Нет больше различий между виргинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и жителями Новой Англии. Я не виргинец, я американец».

Во время войны США за независимость в Канаду и другие британские владения в Северной Америке, а также в Англию бежало около 60 тыс. лоялистов, что, принимая во внимание разницу в численности населения, почти в пять раз превышало число белых эмигрантов во время Великой французской революции⁴¹. Собственность сторонников метрополии и в первую очередь их земельные поместья были конфискованы. Можно назвать, в частности, земли губернатора Нью-Гэмпшира Д. Вентворта, владения семьи Пеннов (собственников Пенсильвании), поместья Д. Райта, лорда Ферфакса и т. д. Стоимость конфискованного имущества достигала 8 млн. фунтов, причем только владения Пеннов оценивались в 1 млн. фунтов стерлингов. В ходе революции были полностью ликвидированы остатки феодальных отношений в земледелии, отменено право майората (первородства) и наследование земли без права отчуждения (по старой системе в случае отсутствия завещания вся земля нераздельно переходила к старшему сыну, что имело целью сохранить в неприкосновенности крупные поместья феодального типа), прекращена уплата фиксированной ренты, общая сумма которой к началу войны за независимость достигала 100 тыс. долл., и т. д.⁴²

Особое значение для быстрого развития капиталистических отношений в горнодобывающей промышленности имел переход контроля над естественными ресурсами страны и в первую очередь над полезными ископаемыми (уголь, металлические руды и т. д.) от английской короны к федеральному правительству и частным предпринимателям⁴³. Напомним, что ранее в соответствии с колониальными хартиями одна пятая часть доходов от добычи полезных ископаемых (в первую очередь имелись в виду драгоценные металлы) принадлежала английскому королю. И хотя это условие было чисто символическим, оно выражало право британской короны на контроль над естественными ресурсами колоний.

В литературе давно уже было обращено внимание на серьезное влияние, которое война за независимость оказала на изменение аме-

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 115.

⁴⁰ «Diary and Autobiography of John Adams». Ed. by L. H. Butterfield. Vol. III. Cambridge. 1961, p. 357.

⁴¹ R. R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution. Vol. 1. Princeton. 1959, pp. 188—190.

⁴² J. F. Jameson. Op. cit., pp. 33—35.

⁴³ C. L. Ver Steeg. The American Revolution Considered as an Economic Movement. «HLQ», 1957, № 4, pp. 363—364.

риканского уголовного законодательства, смягчение наказаний и условий тюремного режима. В 1787 г. было создано «Филадельфийское общество для облегчения страданий заключенных государственных тюрем» — первая в мире организация, посвященная реформе тюремных порядков. В ходе революции было существенно смягчено уголовное законодательство, цель которого ранее заключалась в первую очередь не в исправлении, а в поголовном уничтожении наиболее опасных преступников и в устрашении остальных с помощью самых зверских и унижительных наказаний. Широкий размах приняло в конце XVIII в. и движение за смягчение, а затем и полную отмену тюремного заключения за долги, одержавшее окончательную победу уже в годы президентства Джексона⁴⁴.

Но если говорить о наиболее значительных изменениях в области юридической теории и практики, происшедших в результате американской революции, то в первую очередь следует иметь в виду, что квалификация самых важных политических преступлений (государственная измена, заговор, бунт, ересь и т. п.) подверглась решительному пересмотру. Кем были восставшие колонисты? В глазах английского короля они являлись бунтовщиками против законной власти, государственными преступниками, заслуживающими самого сурового наказания. «Попадись Вашингтон, Адамс и Джефферсон в руки Георга III, — пишет Г. Аптекер, — они сразу кончили бы свои дни на виселице как подлые преступники, а не прожили бы долгие жизни, осененные многими высокими почестями... Нет нужды говорить, что все это заставило задуматься о природе преступления, его изменчивости, его зависимости от социальных обычаев и организации: нет нужды говорить, что эра революции должна была в корне преобразовать криминалистику и психологию»⁴⁵.

Одной из особенностей социально-экономических и политических преобразований, осуществленных в ходе американской революции, является их необратимость. И хотя по размаху и остроте классовой борьбы буржуазная революция в Америке (поскольку в колониях феодализм как система никогда не существовал) значительно уступала Великой французской революции 1789—1794 гг., социально-политический строй Соединенных Штатов в первой половине XIX в. (разумеется, если абстрагироваться от существования рабства на Юге) был более передовым и демократическим, чем во Франции (хотя и там ни Людовик XVIII, ни тем более Луи Филипп уже не могли вернуться к старому порядку).

На протяжении всего периода войны США за независимость самая активная роль принадлежала трудящимся массам, городским и сельским «низам». Борьба с сильнейшей мировой державой требовала огромного напряжения духовных и материальных сил американского народа. За время войны частными лицами было снаряжено более 500 американских каперов, на которых служило около 90 тыс. чел., то есть больше, чем во всей армии Вашингтона, включая милицию штатов (лишь в 1776 г. численность армии восставших также достигла 90 тыс.)⁴⁶.

Завоевав независимость и получив власть в свои руки, американская буржуазия считала, что цель достигнута и революция окончена. Более того, правящие круги были не прочь переложить на плечи трудящихся основную тяжесть борьбы с послевоенными экономическими трудностями и, в частности, за их счет произвести полную оплату обязательств по государственному долгу. Естественно, что это не могло не вызвать резкого обострения недовольства широких народных масс, что в ряде мест вылилось даже в открытые вооруженные выступления уже

⁴⁴ См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 314—320; J. F. Jameson. Op. cit., p. 76 ff.

⁴⁵ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 315.

⁴⁶ См. J. F. Jameson. Op. cit., pp. 48, 66.

не против англичан, а против новой администрации штатов. Наиболее известным и крупным выступлением такого рода было знаменитое восстание под руководством ветерана войны за независимость Даниэля Шейса в конце 1786 — начале 1787 года⁴⁷. Общее положение внутри страны в 1786 г. было столь напряженным, что Г. Вашингтон с нескрываемым беспокойством писал: «Горячий материал имеется в каждом штате, и искра может зажечь пламя». Путь к «спасению» нации Вашингтон видел в создании сильной центральной власти, которая «сцементирует весь союз». В период восстания Д. Шейса в письме к Д. Мэдисону от 5 ноября 1786 г. Вашингтон отмечал: «Мы быстро приближаемся к анархии и беспорядку»⁴⁸. Один из лидеров федералистов, Д. Джей, в своем письме к Т. Джефферсону в конце 1786 г. также обращал внимание на все более очевидную «неэффективность» (inefficacy) американского правительства и намекал, что участники восстания Шейса имеют более обширные планы, чем удовлетворение непосредственных поводов для недовольства⁴⁹.

В обстановке усиления реакции в связи с подавлением восстания Шейса была принята конституция 1787 года. «Мы, народ Соединенных Штатов,— указывалось в преамбуле конституции,— в целях образования более совершенного союза, утверждения правосудия, *охраны внутреннего спокойствия* (курсив наш.— Н. Б.), организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы учреждаем и вводим эту конституцию для Соединенных Штатов Америки»⁵⁰. Одним из наиболее серьезных недостатков конституции было отсутствие «билля о правах», на что в первую очередь обратил внимание Т. Джефферсон в письме к Д. Мэдисону от 20 декабря 1787 года⁵¹. Лишь после длительной и ожесточенной борьбы по настоянию антифедералистов во главе с Т. Джефферсоном и Т. Пейном конгресс США принял в 1789 г. первые 10 поправок к конституции («билль о правах»), вступившие в силу в ноябре 1791 года⁵².

В исторической литературе в свое время широкое признание завоевала точка зрения, в соответствии с которой конституция 1787 г. рассматривалась как своеобразный «термидор», «контрреволюционный заговор» для защиты «свободы и собственности», для обеспечения «спокойствия и безопасности» имущих⁵³. Подобная концепция, естественно, совершенно не устраивает современных консерваторов, и еще Р. Браун с характерной для него определенностью сформулировал новое кредо американской историографии: «Нам не нужна «консервативная контрреволюция» или термидорианская реакция для объяснения как Массачусетской конституции 1780 г., так и принятия федерацией конституции в 1787 г. Если не было «социальной революции», то едва ли может быть и «консервативная контрреволюция». Обе конституции должны по-

⁴⁷ Подробнее о восстании Д. Шейса см. А. В. Ефимов. Очерки истории США. М. 1958, стр. 136—141.

⁴⁸ «The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799». Ed. J. C. Fitzpatrick. 39 vls. Washington. 1934—1944. Vol. XXIX, p. 51.

⁴⁹ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. P. Boyd. Vol. X. Princeton. 1954. p. 488—489.

⁵⁰ «Конституции государств Американского континента». Т. III. М. 1956, стр. 231; «Liberty and Justice. Forging the Federal Union». Ed. by J. M. Smith and P. L. Merphy. N. Y. 1965, p. 61.

⁵¹ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. P. Boyd. Vol. XII. Princeton. 1955. pp. 439—440.

⁵² О «билле о правах», как и о конституции 1787 г., существует обширная специальная литература. См., в частности, J. T. Main. The Antifederalists: Critics of the Constitution, 1781—1788. Chapel Hill. 1961; R. A. Rutland. The Ordeal of the Constitution. Norman. 1965; «The Antifederalists». Ed. by C. M. Kenyon. Indianapolis. 1966.

⁵³ «American Themes: Essays in Historiography». Ed. by F. O. Gatell and A. Weinstein. N. Y. 1968, p. 101; S. E. Morison and H. S. Commager. The Growth of the American Republic. Vol. 1. N. Y. 1942, p. 227.

лучить объяснение в рамках общества среднего класса, в котором большинство мужского населения обладало правом голоса»⁵⁴.

Особенно резким нападкам начиная с 50-х годов XX в. подверглась «экономическая интерпретация» американской конституции, данная Ч. Бирдом. Выводы Ч. Бирда пришлось современным консерваторам явно не по вкусу. Их не устраивает, что «отцы-основатели» и экономические группы, которые за ними стояли, руководствовались, оказывается, отнюдь не возвышенными, альтруистическими соображениями, а весьма прозаическими, материальными выгодами. Им не нравится, что плантаторы и крупная буржуазия Севера, в частности их представители Д. Мэдисон и А. Гамильтон, стремились к твердому национальному правительству как гарантии сохранения существующего порядка против возможного восстания «низов» — бедных фермеров, а также рабов⁵⁵.

В условиях «холодной войны» и маккартизма Ч. Бирд начал казаться слишком радикальным и даже крамольным историком, и не удивительно, что над бывшим главой «экономической школы» был учинен своеобразный посмертный суд. Еще в 1950 г. профессор Р. Хофстедтер отметил, что Ч. Бирд не удержался от соблазна рассматривать события конца XVIII в. через «прогрессистскую призму» начала XX века⁵⁶. Э. Морган обвинял Ч. Бирда и других прогрессистов в том, что они перенесли социальные конфликты начала XX в. на революционную эпоху и тем самым совершенно извратили концепцию свободы XVIII в., которая не знала противоречия между правами человека и собственностью. В XVIII в. борьба велась за «свободу и собственность», а не за «свободу и демократию». Для восставших колонистов «свобода и собственность» представляли собой одно неразрывное целое, так как собственность все еще считалась единственным основанием, обеспечивающим жизнь и свободу»⁵⁷.

Настоящая война против Бирда началась, однако, после опубликования Р. Брауном специальной работы, посвященной подробному разбору книги об экономической интерпретации конституции 1787 года. Как утверждал Р. Браун, Ч. Бирд в своей книге извратил действительное положение вещей: «Конституция была принята обществом демократическим в своей основе». Она была одобрена народом, состоявшим главным образом из «среднего класса собственников», и прежде всего «фермеров, владевших недвижимым имуществом»⁵⁸. Обращаясь к американским преподавателям истории, Р. Браун писал: «Мы должны объяснять американскую революцию и конституцию в рамках демократического, аграрного общества среднего класса, а не общества с ограниченной демократией и острыми классовыми разногласиями»⁵⁹.

Дальнейшее развитие критика концепции Бирда получила в обширных книгах Ф. Макдональда, К. Росситера и др.⁶⁰. «Экономическая интерпретация конституции ошибочна», выводы Ч. Бирда противоречат фактам, состав Филадельфийского конвента правильно отражал географические районы и группы населения, существовавшие в США в 1787 г., а сама конституция, по выражению Ф. Макдональда, — это «чудо» не только своего века, но и «всех грядущих веков».

⁵⁴ R. E. Brown. Op. cit., pp. 401—408.

⁵⁵ Ch. A. Beard. Op. cit., pp. 174, 324—325.

⁵⁶ R. Hofstadter. Beard and the Constitution: The History of an Idea. «American Quarterly», 1950, № 3, pp. 195—213.

⁵⁷ «The American Revolution: Two Centuries of Interpretation», p. 175.

⁵⁸ R. E. Brown. Charles Beard and the Constitution: A Critical Analysis of «An Economic Interpretation of the Constitution». Princeton. 1956, p. 200.

⁵⁹ R. E. Brown. Reinterpretation of the Revolution and Constitution. «Social Education», 1957, № 3, p. 114.

⁶⁰ F. McDonald. We the People. Chicago. 1958; e j u s d. The Formation of the American Republic 1776—1790. Baltimore. 1965; C. Rossiter. 1787: The Grand Convention. N. Y. 1966.

Даже выдавшим виды историкам было над чем призадуматься. Ведь все это преподносилось как результат новейшего и тщательного научного анализа. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что методы этого анализа не так уж безупречны. Были выявлены непростительные фактические ошибки, а также явная тенденциозность критики труда Ч. Бирда. И мог ли вообще Филадельфийский конвент правильно отражать различные слои американского населения, если в его составе не было представителей мелких фермеров, ремесленников, рабочих и негров. Крайне непропорционально сторонники и противники конституции были представлены и на ратификационных конвентах штатов⁶¹.

Уделяя главное внимание критике или защите взглядов Ч. Бирда, американские историки в последние годы значительно меньше занимались разработкой позитивной концепции конституции 1787 года. Известное исключение представляет, пожалуй, лишь упоминавшаяся выше книга Л. Бенсона, в которой развивается так называемая «социальная интерпретация». Следуя распространенной в современной буржуазной литературе точке зрения, Л. Бенсон рассматривает «экономический класс» только как один из многих факторов общественного развития — наряду с религиозными и этническими группами, уровнем образования, местожительством и т. д. Все население страны Л. Бенсон разделяет на сторонников развития по аграрному пути и сторонников «торгового общества», причем в основе этого деления, как подчеркивает автор, лежит не социально-экономическое положение или род занятий, а «образ мышления»⁶². Нельзя не заметить в этой связи, что под флагом защиты Бирда и дальнейшего развития его концепции «экономическое объяснение» истории в новой «социальной интерпретации» Л. Бенсона превращается в откровенно идеалистическое.

Одним из центральных выводов большинства современных американских буржуазных историков (и в данном случае речь идет не только о «новых консерваторах», но и многих других авторах) является утверждение, что конституция 1787 г. представляла собой кульминационный пункт американской революции⁶³. По мнению Ганны Арентт, «действительной кульминацией» революционного процесса была не борьба за освобождение от Англии, а «самопроизвольный взрыв конституционного творчества». Она утверждает, что в результате принятия конституции 1787 г. удалось будто бы консолидировать власть и заложить основу свободы, что было высшей целью революции⁶⁴. Цитируя замечание Д. К. Адамса о том, что декларация независимости и конституция были частями «единого целого», логическим следствием последовательного усилия, в результате которого были заложены основы правления на базе разума и согласия, Р. Моррис приходит к выводу, что ни конституционный конвент, ни ратификационные собрания не дают никаких оснований считать их контрреволюцией. «Конституционный период, — заявляет Р. Моррис, — является продолжением революционной эпохи, а сама конституция составляет «неразрывную» часть «революционного процесса»⁶⁵.

Мы видим, таким образом, что в американской историографии по вопросу о конституции 1787 г. установилось в настоящее время довольно необычное единодушие. Не только «новые консерваторы», но и боль-

⁶¹ L. Benson. Turner and Beard. Glencoe. 1960, pp. 229—233; Ch. W. Roll, Jr. We, Some of The People. «The Journal of American History», 1969, № 1, pp. 21—40.

⁶² См. L. Benson. Op. cit., pp. 154, 215—216 etc. Точка зрения Л. Бенсона в основном разделяется и авторами историографического обзора, опубликованного недавно на страницах журнала «Social Education», 1968, № 1, p. 24.

⁶³ W. H. Nelson. Op. cit., pp. 1007, 1011, 1013.

⁶⁴ См. J. P. Greene. The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature, pp. 76—79; H. Arendt. On Revolution. N. Y. 1963.

⁶⁵ R. B. Morris. Op. cit., p. 161—162.

шинство других специалистов в конечном итоге вернулись к Д. Бэнкрофту, который, как известно, всегда считал, что конституция США являлась кульминационным пунктом и претворением в жизнь завоеваний революции⁶⁶.

При всей заманчивости этой внешне стройной концепции она, по нашему мнению, крайне обедняет и упрощает действительное развитие событий. Разумеется, конституция 1787 г. не была только термидором, но и логическим завершением революции, однако понятие термидора во многом обогащало наше представление о сложных и противоречивых событиях, в которых происходила выработка и принятие конституции 1787 года. Вместе с тем нельзя правильно оценить конституцию 1787 г. и разобраться в острой политической борьбе, происходившей вокруг этого документа, если рассматривать ее только как консервативный документ, как контрреволюцию и шаг назад по сравнению с тем, что было записано в декларации независимости, статьях конфедерации и конституциях отдельных штатов. Правильный путь решения проблемы, по нашему мнению, заключается в понимании двойственного характера американской конституции, которая одновременно была и термидором, и логическим завершением революции, и прогрессивным для своего времени демократическим и республиканским манифестом, и консервативным документом, направленным на защиту интересов торжествующей буржуазии.

Один из вдумчивых представителей «новых левых» в американской историографии правильно нащупал путь к решению проблемы, когда заметил, что Ч. Бирд игнорировал возможность того, что конституция была одновременно и капиталистической, и демократической, и «экономическим документом», и республиканским манифестом⁶⁷. Широкий недогматический подход к событиям позволил С. Линду и А. Янгу разобраться в сложных изменениях позиции нью-йоркских ремесленников на протяжении 1774—1801 гг. и, в частности, объяснить совершенно парадоксальный на первый взгляд факт решительной поддержки, которую ремесленники Нью-Йорка оказали конституции 1787 г. и таким консервативным деятелям, как Р. Ливингстон, Д. Джей и Д. Дуан⁶⁸. «Механики не только поддержали конституцию, они поддержали ее решительно. 23 июля 1788 г. около четырех тысяч нью-йоркских механиков вышли на демонстрацию с флагами и транспарантами, чтобы отпраздновать ратификацию конституции девятью необходимыми штатами». «Характерная черта политических требований механиков на протяжении всего периода 1774—1788 гг., — отмечает далее С. Линд, — состоит в том, что они сочетали заботу о демократии с непреклонной поддержкой политики наделения центрального правительства властью, необходимой для борьбы с англичанами»⁶⁹.

Одна из наиболее характерных особенностей исторической науки в США состоит в том, что профессиональные историки занимаются главным образом изучением «верхов», так называемой «элиты». Их героями по преимуществу были прославленные генералы, выдающиеся государственные деятели, преуспевающие промышленники и финансисты. В этой связи следует положительно оценить тот факт, что некоторые представители «новых левых», выступая против «историографии элиты», обратились к изучению «низов», к рассмотрению вопроса о роли в американской революции трудящихся масс. Показателен в этой связи очерк моло-

⁶⁶ G. Bancroft. History of the Formation of the Constitution of the United States of America. 2 vls. N. Y. 1882.

⁶⁷ S. Lynd. Capitalism, Democracy and the United States Constitution: The Case of New York. «Science and Society», 1963, № 4, p. 386.

⁶⁸ См. S. Lynd and A. Young. After Carl Becker: The Mechanics and New York City Politics, 1774—1801. «Labor History», 1964, № 3.

⁶⁹ Ibid., pp. 243, 245.

дого исследователя Д. Лемиша «Американская революция, рассматриваемая снизу вверх», в котором приведены интересные свидетельства об участии в революционных событиях трудящихся масс, о борьбе бедных и лишенных наследства⁷⁰. Д. Лемиш справедливо отмечает также ограниченность декларации независимости, но забывает почему-то сказать, что этот вопрос еще ранее освещался в марксистской историографии и, в частности, в книге Г. Аптекера. При всем революционном и прогрессивном для своего времени значении декларации независимости нельзя забывать, что даже этот документ (не говоря о других актах американской революции) носил печать буржуазной ограниченности; он, по существу, относился только к имущим, только к белым и только к мужчинам. Его творцы — буржуазные революционеры — не замечали или не хотели замечать, что за пределами декларации оставались сотни тысяч негров, женщин и кабальных слуг⁷¹. При написании своей книги об «экономической интерпретации» конституции 1787 г. Ч. Бирд совершенно игнорировал как факт участия в политической борьбе ремесленников, так и всю проблему рабства в период войны за независимость⁷².

Необходимо подчеркнуть, что основная заслуга в изучении роли трудового народа — мелких фермеров, рабочих, ремесленников и негров — принадлежит американской марксистской школе (известные труды У. З. Фостера, Г. Аптекера, Ф. Фонера и др.). Давая общую оценку войны за независимость, У. З. Фостер писал о ней как о буржуазной революции, «в которой был очень силен демократический элемент»⁷³. «Правда заключается в том, — приходит к выводу Г. Аптекер, — что американская революция в силу своего происхождения была горячо поддержана подавляющим большинством американского народа. А то, что это была война народная, оказалось... глубокое воздействие на все ее развитие и на характер ее влияния в истории»⁷⁴.

Известно, что когда В. И. Ленин писал о революционной традиции американского народа, он в первую очередь имел в виду войну за независимость в XVIII в. и гражданскую войну в XIX веке. «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке»⁷⁵.

Пересмотр «новыми консерваторами» характера войны за независимость, отрицание ее революционного содержания неразрывно связаны в конечном итоге и с пересмотром общей тенденции исторического развития США, отрицанием революционных традиций американского народа вообще. Очень характерно в этой связи, что один из лидеров «новых консерваторов», гарвардский профессор Луис Харц, прямо называет свой труд «Либеральная традиция в Америке». Вслед за А. Токвилем он утверждает, что великое преимущество американцев заключается в том факте, что они «не пережили демократической революции». Радикализм, по словам Харца, не имеет никакого отношения к американской революции, а наиболее существенным фактом «американского действия» в 1776 г. была, как он утверждает, не свобода, к которой оно

⁷⁰ J. Lemisch. The American Revolution Seen from the Bottom Up. «Towards a New Past: Dissenting Essays in American History». N. Y. 1968. О сборнике в целом см. критический обзор Г. Аптекера в «Political Affairs», 1968, № 8.

⁷¹ См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 140—144.

⁷² См. S. Lynd and A. Young. Op. cit., pp. 216—217; S. Lynd. Beyond Beard. — «Towards a New Past: Dissenting Essays in American History». N. Y. 1968; e j u s d. Class Conflict, Slavery and the United States Constitution. Indianapolis. 1967.

⁷³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 177.

⁷⁴ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 85.

⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС, Т. 37, стр. 58.

привело, а отсутствие феодального порядка, который необходимо было разрушить. Именно отсутствие «старого режима» определило отличие американской революции от французской, а поскольку в Америке не было феодальной традиции, в ней отсутствует, по мнению Л. Харца, и социалистическая традиция⁷⁶. «...Цель восставших колонистов,— отмечал К. Росситер,— заключалась просто в том, чтобы консолидировать, а затем осторожно расширить значительную долю свободы и процветания, которые уже стали частью их образа жизни»⁷⁷.

Попытка объединить необъединяемое, отождествить политические устремления восставших колонистов с консерватизмом буржуазных историков середины XX в. стала одной из наиболее характерных черт школы Брауна, Бурстина, Харца, Росситера и др. «В период, когда Соединенные Штаты стоят перед великими угрозами их безопасности из-за границы, консервативные историки,— пишет редактор историографического сборника о войне США за независимость Д. А. Биллиас,— стремятся подчеркнуть согласованность интересов американского народа во время революции для того, чтобы создать образ нации, которая на протяжении большей части своей истории была единой и сильной»⁷⁸.

При всем обилии и значении трудов новых консерваторов, занявших во второй половине XX в. ведущее, если не господствующее, положение в историографии США, следует подчеркнуть, что в последнее время их влияние значительно уменьшилось. Очень показательна в этом отношении позиция одного из крупнейших современных историков США, Ричарда Хофстедтера. В свое время Хофстедтер выступил инициатором пересмотра истории США с позиций теории «согласованных интересов». Главная политическая традиция Америки заключалась, по его мнению, в признании «прав собственности, философии экономического индивидуализма» и т. д.⁷⁹. И вот спустя 20 лет под влиянием серьезного, можно сказать, коренного изменения общей политической обстановки, резкого обострения негритянской проблемы, невиданного подъема в США молодежного движения и т. д. колумбийский историк в своей новой монографии признает, что теория «согласованных интересов» больше не кажется ему столь же удовлетворительной, как десять или пятнадцать лет назад. «Если мы сделаем вывод, что американская революция не носила действительно революционного характера из-за традиционности ее *идей*,— подчеркивает Хофстедтер,— мы можем упустить главное»⁸⁰. Однако, отмечая недостатки теории «согласованных интересов» и подчеркивая важную роль «конфликтов» и «насилия» в истории США, колумбийский профессор старательно обходит проблему антагонистических противоречий и классовой борьбы.

Подводя итоги, нельзя не обратить внимания на необходимость развертывания исследовательской работы советских историков по коренным проблемам буржуазной революции XVIII века в Америке. У нас имеется целая школа исследователей гражданской войны и реконструкции, но нет ни одной серьезной монографии о войне США за независимость. Надо надеяться, что в самое ближайшее время советские историки приступят к систематическому изучению американской революции XVIII века. Это особенно важно в связи с приближающимся 200-летним юбилеем войны США за независимость и огромным объемом книжной и журнальной продукции американских историков по указанной тематике.

⁷⁶ L. H a r t z. The Liberal Tradition in America. N. Y. 1955, pp. 5, 6.

⁷⁷ C. R o s s i t e r. The Shaping of the American Tradition. «WMQ», 1954, № 4, p. 533.

⁷⁸ «The American Revolution. How Revolutionary Was It?». Ed. by G. A. Billias. N. Y.

⁷⁹ R. H o f s t a d t e r. The American Political Tradition. N. Y. 1948, p. VIII.

⁸⁰ E j u s d. The Progressive Historians. N. Y. 1968, p. 459.